

**«ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК ПРИНАДЛЕЖИТ РОССИИ»:
О ЗНАЧЕНИИ ЭПИЛОГА РОМАНА В. Ф. ОДОЕВСКОГО
«РУССКИЕ НОЧИ»¹**

Аннотация: В статье анализируются заключительные слова романа В. Ф. Одоевского «Русские ночи»: «Девятнадцатый век принадлежит России». Осуществляется попытка объяснить позицию автора, исходя из исторического и биографического контекстов, а также философской концепции, заложенной в произведении.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, Русские ночи, Эпилог, Россия, Запад, Европа.

«Русские ночи» В. Ф. Одоевского являются загадочным произведением — об этом любят говорить исследователи творчества писателя. Немало вопросов вызывает даже название, показавшееся, например, В. Г. Белинскому странным [Белинский, с. 119]. Е. А. Маймин считал, что оно должно быть понятным романтически настроенному читателю: «“Русские ночи” — это русские мысли, русские раздумья, русские идеи» [Маймин, с. 262]. Этими идеями и занимались исследователи. Без упоминания «Русских ночей» не обходится ни работа В. В. Зеньковского «История русской философии», ни книга Ю. В. Манна «Русская философская эстетика». До сих пор непревзойденным по охвату материала и глубине его исследования остается труд П. Н. Сакулина «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель» 1913 года.

Все исследователи хотят постичь тайну этой книги — разобраться с позицией автора, его философскими взглядами, эстетикой, отношением к ис-

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

кусству, науке и религии. Но нельзя забывать и о другой проблеме, которая заявлена Одоевским в самом заглавии.

Если мотив ночных разговоров довольно очевиден и задается буквально в первом же абзаце (в тексте есть даже рефлексия героев по этому поводу), то о «русском» в полный голос герой Одоевского – Фауст – говорит только в эпилоге. Более того, слова его друзей о том, что «девятнадцатый век принадлежит России» в самом финале поддерживает Ростислав, заканчивая ими произведение и образуя таким образом кольцо в композиции, ведь именно с его размышлений все и началось. Итогом размышлений о судьбе человечества стали размышления о судьбе России.

Напомним, что книга «Русские ночи» имеет сложную структуру и систему рассказчиков, поскольку в основное повествование постоянно включаются вставные новеллы. Стержнем композиции и ее рамкой являются беседы четырех персонажей: Ростислава, Виктора, Вечеслава и Фауста. Эти беседы разбиты на девять ночей с эпилогом, который и будет нас особо интересовать.

Как замечает В. В. Зеньковский, «“Русские ночи” впервые в русской литературе дают критику западной культуры» [Зеньковский, с. 148]. «Запад гибнет!» и «Не одно *тело* должны спасти мы – но и *душу* Европы» [Одоевский, с. 148], – пишут друзья Фауста в своем послании, а сам он, продолжая эту линию, переходит к обсуждению проблем Европы, упоминая и работу детей на фабриках и катастрофических масштабов ложь. «Касательно оценки текущего времени я буду несколько невежливее моих друзей; они характер настоящей эпохи назвали *синкретизмом*, я осмелюсь сказать, что ее характер просто – *ложь*, какой еще не бывало в прежней истории мира» [Одоевский, с. 150], – говорит Фауст. Он сокрушает любые аргументы Виктора в защиту Запада и его достижений простой идеей: «Высшее развитие сил какого бы то ни было организма есть начало его конца» [Одоевский, с. 150], – но сразу же добавляет, что не видит у Запада даже этого высшего развития, что, на первый взгляд, может вызвать некоторое недоумение. Однако, как мы поймем позже, проблема Запада не в уровне его развития.

Как пишет П. Н. Сакулин, в идее, что девятнадцатый век принадлежит России, выражены упования не только Одоевского, но и целого поколения тридцатых годов [Сакулин, ч. 2, с. 276]. Более того, за этой фразой скрывает-

ся начало мощного интеллектуального спора, который захватил людей того времени и к 40-м годам расколол их на западников и славянофилов.

«Русские ночи» были опубликованы в 1844 году, но интересующий нас эпилог был написан еще в начале 30-х годов [Маймин, с. 275]. Примерно в то же время было опубликовано знаменитое «Письмо» П. Я. Чаадаева, о котором Одоевский, разумеется, знал. В 1836 году Одоевский писал: «Два года тому назад, не имея почти никакого понятия о мыслях Ч., я написал эпилог, заключающий книгу и как будто совершенно противоположный статье Ч.; то, что он говорит о России, я говорю об Европе, и наоборот» [Сакулин, ч. 1, с. 612].

Идеи Одоевского о противопоставлении России и Запада, особой спасительной роли России, ее самобытности и непохожести на другие страны естественным образом вызывали отторжение у западников (как пример можно привести критику книги В. Г. Белинским), но были созвучны славянофилам. Однако ни те, ни другие полностью произведение Одоевского не принимали. Как отмечает Е. А. Маймин, «автор “Русских ночей” шел своим особенным путем, отличным как от пути западников, так и славянофилов» [Маймин, с. 276].

Одоевский в письме Шевыреву писал так: «Дело в том, что все эти взаимные обвинения в Славянизме, в Западолюбии, в староверстве, в иноземщине — не стоят выеденного яйца, потому что спор лишь в нескольких неопределенных словах; все мы Русские, все мы любим Россию. Но не уж-ли смотреть на ее допотопную старину с той или другой точки зрения — есть преступление? Не уж-ли, признавая все способности и качества Русского человека, зажать глаза и не видеть, что в его характере, как характере всякого народа, есть недостатки, которым потворствовать не следует» [Сакулин, ч. 2, с. 450].

Важно заметить, что сам Одоевский был выходцем из кружка любомудров, у которого хоть и было много общего с будущими славянофилами, но имелись и принципиальные различия. И одно из этих различий — отношение к религии. Как отмечал В. А. Кошелев, славянофилы занимались «пропагандой православия и обоснованием его “пригодности” как раз для высших, образованных слоев общества» [Кошелев, с. 27], в то время как любомудры исповедовали другой подход. В записках А. И. Кошелева — любомудра и товарища Одоевского — читаем следующую запись о том времени,

когда кружок еще существовал: «Христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, философов. Мы особенно высоко ценили Спинозу и считали его творения много выше Евангелия и других священных писаний» [Зеньковский, с. 138]. Сразу можно отметить любопытный факт из жизни другого любомудра, ставшего впоследствии уже славянофилом – И. В. Киреевского. В. В. Зеньковский пишет о том, что в семье Киреевских случались «столкновения по религиозным вопросам – горячая и сосредоточенная религиозность жены, по-видимому, вызывала в Киреевском неприятные чувства. Они условились между собой, что при жене Киреевский не будет “кошунствовать”» [Зеньковский, с. 211]. Киреевский женился в 1834 году и только после этого заинтересовался трудами Святых Отцов, что и привело его впоследствии к разработке особой христианской философии. То есть, в период существования кружка он вполне разделял взгляды остальных участников.

Отчасти этим можно объяснить тот факт, что в «Русских ночах» вообще ни разу не употребляется слово «православие», хотя теория официальной народности с ее принципом «православие, самодержавие, народность» была провозглашена Уваровым еще в начале 30-х. Более того, идея о мессианизме России, родившаяся, как указывает Сакулин, не без участия Шеллинга [Сакулин, ч. 1, с. 342], просто невозможна вне размышлений о роли православия.

Как указывает В. В. Зеньковский, в 30-е годы Одоевский и сам обращался к творениям Святых Отцов, но особенно интересовался богословами-мистиками, такими, как Симеон Новый Богослов и Григорий Синаит [Зеньковский, с. 143]. Это был период увлечения Одоевского мистическими учениями, а потому он пошел по пути, отличному от пути Киреевского.

Можно предположить, что Одоевский исключил православие из своей книги намеренно, сделав акцент именно на мировоззренческом противопоставлении материализма и идеализма в целом. Но можно дать и другое объяснение: это были сомнения, рожденные «русским скептицизмом». Даже несмотря на поучительный тон Фауста и его друзей, однозначную истину в книге не найти, а потому вопрос религии, который задается с такой осторожностью, остается практически без ответа.

Религиозное чувство поддерживает веру, без которой не мыслится наука и искусство. Угасание религиозного чувства, обесценивание религии и со-

хранение лишь ее видимой формальной / обрядовой стороны разрушают веру и, следовательно, всю человеческую культуру. «Религиозное чувство на Западе? – оно было бы давно уже забыто, если б его внешний язык еще не остался для украшения, как готическая архитектура, или иероглифы на мебели, или для корыстных видов людей, которые пользуются этим языком, как новизною. Западный храм – политическая арена; его религиозное чувство – условный знак мелких партий. Религиозное чувство погибает!» [Одоевский, с. 147] – пишут друзья Фауста и далее добавляют: «в себе, в собственном чувстве ищи вдохновения, изведи в мир свою собственную, непрививную деятельность, и в святом триединстве веры, науки и искусства ты найдешь то спокойствие, о котором молились отцы твои» [Одоевский, с. 149]. Именно поэтому «Русские ночи» не могли обойтись без образа Баха, чье искусство осуществлялось именно в храме: «слушатели выходили из храма с освеженною, с воззванною к жизни и любви душою» [Одоевский, с. 125]. Без веры искусство мертво. Получается, что гибель Запада связана не столько с его развитием, сколько с угасанием веры.

Любопытна и такая деталь: одни новеллы переносят действие за пределы России, а другие вообще не имеют четкой национальной привязки, из-за чего их содержание становится универсальным. Одной из таких новелл является «Бал». В финале герой входит в храм и слышит слова священника «о высоком созерцании божества, о мире душевном, о милосердии к ближнему, о братском соединении человечества, о забвении обид, о прощении врагам, о тщете замыслов богопротивных, о непрерывном совершенствовании души человека, о смирении пред судьбами всевышнего» [Одоевский, с. 47]. Тогда в герое случается перемена: «Я бросился к притвору храма, хотел удержать беснующихся страдальцев, сорвать с сладострастного ложа их помертвелое сердце, возбудить его от холодного сна огненною гармониею любви и веры, – но уже было поздно! все проехали мимо церкви, и никто не слышал слов священника...» [Одоевский, с. 47]. Перед нами картина духовного состояния общества, яркий пример разрушения религиозного сознания, и здесь же указан возможный путь спасения. Мы видим, что для Одоевского дело вовсе не в преимуществах православной церкви над «рассудочным» католичеством, а именно в гармонии любви и веры – универсальных понятиях для любой религии и национальности.

По мнению Сакулина, Одоевский во всем искал синтез, срединный путь, признавая достоинства Европы и надеясь, что Россия не столько превзойдет Европу, сколько исцелит ее [Сакулин, ч. 1, с. 602]. Если Петр I дал России прививку Запада, и мы хорошо усвоили ее, то теперь уже «Западу, несмотря на всю величину его, недоставало другого Петра, который бы привил ему свежие, могучие соки славянского Востока» [Одоевский, с. 181]. Кстати, отношение к реформам Петра I, высказанное друзьями Фауста, также противоречит взглядам славянофилов, поскольку его деяния не оцениваются как ошибка, а напротив – являются пользой: «И великий мудрец привил к своему народу те второстепенные западные стихии, которых ему недоставало: он умирил чувство разгульного мужества – строением; народный эгоизм, замкнутый в сфере своих поверий, – расширил зрелищем западной жизни; восприимчивости – дал питательную науку. Прививка была сильна; протекли времена, чуждые стихии усвоились, умирили первобытных – и новая, горячая кровь полилась в широких жилах исполина» [Одоевский, с. 181]. Здесь же можно отметить, что Петра называют естествоиспытателем («Был на сем свете великий естествоиспытатель, по имени Петр Великий»), что можно расценивать как противоположность друзьям Фауста – духоиспытателям.

Таким образом, по мысли Одоевского, дело не том, что и у кого переняла нация. Главное – это сохранение единства любви и веры, которые дают начало науке и искусству, которые, в свою очередь, созидают культуру и вообще держат на себе все человечество. Заключительные слова эпилога ни в коем случае не означают превосходства России над западным миром. Это надежда, что Россия, по-прежнему сохраняющая любовь и веру, сможет направить Европу на верный путь.

Герои «Русских ночей» не прекращают поиск истины. «А у меня так не выходит из головы мысль сочинителей рукописи: “Девятнадцатый век принадлежит России!”» [Одоевский, с. 183], – говорит Ростислав, и мы понимаем, что движение этой мысли не заканчивается, оно будет развиваться дальше и пройдет через века. Даже сегодня эта мысль остается актуальной (пусть и в иной формулировке – применительно уже к двадцать первому веку), ведь общественная мысль продолжает упрекать Запад в тех же самых грехах. Значит ли это, что Одоевский отыскал еще одну вечную тему? Скорее, данный вопрос так и не был до сих пор разрешен.

Список литературы

Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худ. лит., 1981. – Т. 7. – 799 с.

Зеньковский В. В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – 880 с.

Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840-1850-е годы) / отв. ред. В. И. Мещеряков. – Ленинград: Наука, 1984. – 196 с.

Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. – Ленинград: Наука, 1975. – С. 247–276.

Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. – Ленинград: Наука, 1975. – 320 с.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель: в 2 ч. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913.